

An aerial night view of a city skyline, likely New York City, featuring several prominent skyscrapers. The buildings are illuminated with a striking red light, creating a dramatic and somewhat ominous atmosphere. The background shows a dense network of smaller buildings and city lights, all set against a dark night sky. The overall composition is vertical, with the text overlaid on the right side.

Алекс Равенсо

Тёмный мёд

сборник произведений

Алекс Равенсо
Тёмный мёд. Сборник
произведений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014364
ISBN 9785448549625*

Аннотация

Сборник разных по тематике рассказов и миниатюр, написанных в различных жанрах: от соцреализма и драмы до фантастики и даже откровенного нуара, местами переходящего в жесткий трэш. Лихо закрученные сюжеты, философский подтекст, спрятанный в пороховом дыму экшен-сцен, трагические любовные линии, яркий стеб и откровенная сатира: все это в сравнительно небольших и предельно малых объемах от мастера короткого рассказа.

Содержание

Темный мёд	5
Грани	33
1. Глубина	33
2. Пустота	49
3. Яркость	61
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Тёмный мёд

Сборник произведений

Алекс Равенсо

© Алекс Равенсо, 2017

ISBN 978-5-4485-4962-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Темный мёд

Город вонял, и это ощущалось даже здесь, на крыше жилого дома, в тридцати метрах от его разлагающихся внутренностей. Город гнил изнутри, и гниль эта выплескивалась на улицы, словно гной из лопнувшего нарыва выплескивается внутрь организма, отравляя и убивая ту сущность, что его породила. Дождь вымывал эту смердящую гниль из артерий города каждую ночь, и каждое утро она возрождалась, сжирая раковой опухолью последние признаки жизни железобетонного трупа. Этот город был смертельно болен, настолько смертельно, что даже доктор сказал бы – проще умереть, чем выжить. У этого города была чума, съевшая изнутри разум всех его обитателей, сделавшая их безумными, но психиатр отказался лечить и уже приготовил смертельную инъекцию. Хирург отказался от ампутации и метастазы могут делать свое дело. Этому городу нужен был герой, а жили в нем уроды и шлюхи, которые в качестве помощи могли предложить только отсосать. И яд настолько глубоко проник этот больной организм, что уже стал частью его, что без него теперь невозможна сама жизнь, и противоядие бессильно.

Ветер трепал его плащ, и тот хлопал полами за спиной, словно черными крыльями машет ворон перед тем, как выклевать глаза своей жертве. Галстук, словно пытаясь удушить его, трепыхался на ветру и затягивал петлю все туже,

перекрывая воздух и сжимая горло. Потоки воды стекали по полам его шляпы, приносимые яростными порывами ветра, бились в его глаза, будто пытаясь выцарапать их, вырвать из черепа и сделать навсегда слепым того, кто еще в силах увидеть.

Ты всегда хотел этого, думал Винни, ты хотел сожрать этот город, а вместо этого он жрет тебя. Ты думал, что вспорешь ему живот и не запачкаешься в дерьме и кровавых кишках, но так бывает только в чертовых черно-белых фильмах, где размалеванные толстожопые суки лижутся с набриолиненными брюнетами. Там все покрыто лаком, отполировано и блестит показным слащавым сиянием, там суки всегда медленно танцуют, потом медленно сбрасывают шелковые платья, медленно имеют брюнетов и медленно уходят во тьму, а здесь... здесь тьма имеет тебя. Быстро и яростно, и прямо сейчас. И единственная сука, которая тебя ждет, сто тысяч лет не красилась, она прячется за твоей спиной и подмигивает пустой глазницей. Твоя вечная любовница, твоя верная жена, твой последний ангел. Улыбается беззубым ртом, куたется в белый балахон и машет косой.

– Косой! – крикнул Винни.

Силуэт, висящий на краю крыши, дернулся и еще сильнее вжался во тьму. Винни казалось, что он отчетливо видит скрюченные от боли и холода, белые, покрытые сморщившейся от воды кожей пальцы, вцепившиеся в склизкий проржавевший поручень на краю здания. Словно видит этот

растянувшийся в предсмертной гримасе рот и неестественно большие уши, торчащие из-под съехавшей набекрень шляпы.

– Не двигайся, и я помогу тебе, – громко, чтобы его было хорошо слышно, сказал Винни. – Твоя дерьмовая жизнь никому не нужна, однако не стоит так глупо расставаться с ней, парень. Твое чертово прошлое тянет тебя на дно, а я – твой спасательный жилет. Твой чертов ангел хранитель, который стоит тут, в этом воняющем городе, на этой гниющей крыше, в мокрых насквозь ботинках – только для того, чтобы спасти твою дерьмовую жизнь.

Висящий заскулил, или Винни так показалось. Они все скулят, когда под ногами пропасть, и этот – не исключение. Мерзкий сукин сын, висящий над бездной с железобетонными стенами.

– Ты опоздал, Винни, – донеслось до него из тьмы, – и ты не понимаешь. Когда в жизни все сладко, расслабляешься и живешь так, словно это будет всегда. Словно все вымазано медом, и ты жрешь его, впихиваешь в себя через силу, и пухнешь, Винни. А потом приходит час расплаты и ты не помещаешься в дверь, в которую только что входил. Ты сожрал слишком много меда, Винни, и это – твоя проблема. Я тоже жрал когда-то, но я устал выламывать двери, и это – мой выбор. Вся жизнь была только моим выбором, так почему бы и смерти не быть им. Мы сейчас на этой крыше, вдвоем, только ты и я и чертов дождь, и знаешь что? Я уже все решил,

мне хватит меда, а вот ты, Винни... ты не сможешь прекратить жрать.

– Ты врешь, – глухо ответил Винни. – Я завязал с этим, давно, двадцать, тридцать, много лет назад.

– Неет, – голос из тьмы дрожал, – с этим нельзя завязать, это с тобой навсегда. Иногда мне кажется, что даже после смерти придет кто-то и спросит, сколько меда ты съел. По куда в сладости твои руки, Винни. И на этот вопрос придется давать правдивые ответы. Тебе. Мне. Всем. Каждому. Мы прячемся, скрываемся, думаем, что уже стали незаметными, что нам все простили, но однажды с нас спросят. За все придется отвечать, и вот тебе мой ответ: прощай, Винни.

Силуэт разжал руки и унесся в темноту, в пропитанный смрадом влажный ночной воздух, снизу донесся глухой стук, и Винни понял, что Косого больше нет. Как нет и ответов, которые так нужны были сегодня, сейчас, в сию же минуту.

Слабое мерцание далеких тусклых фонарей было так похоже на звезды, на маленькие яркие точки в темноте, которые манят к себе и кажутся такими близкими. Но ты всегда знаешь, что звезды врут, что они бесконечно далеко, и что нужно разбиться в лепешку, чтобы до них добраться. Разбиться в лепешку, усмехнулся Винни, смахнул рукой капли воды с носа, и осторожно наступая на прогнившую черепицу, пошел назад.

Косой разбился, и где же теперь его звезды.

Война всегда забирает молодых, а смерть всегда выбирает лучших. Косой не был лучшим, и не был молодым, и он просто отдался ей, как шлюха отдается клиенту. Без борьбы, без слов любви, обыденно, словно делает это каждый день. Мы все, наверное, такие, думал Винни. Отдаемся всякому дерьму за то, что можем. За деньги, за секс, за любовь. За чувство собственной значимости и за моральное удовлетворение. И нас за это имеют, как шлюх, спокойно и рассудительно, без эмоций и соплей, без поцелуев и предварительных ласк. И, иногда, даже без смазки.

Они подъехали к кирпичному зданию, покрытому серой, практически отвалившейся, штукатуркой, вышли из такси и остановились у входа. Винни сделал знак спутнику, чтобы тот ждал здесь, и вошел внутрь, в воняющий мочей и прелым мусором подъезд.

Дверь офиса была взломана, вокруг валялись куски дерева и осколки стекла. Чертовы полосатые побывали здесь раньше него, перевернули все вверх дном в поисках бумаг, но, видимо, так ничего и не нашли. Винни знал, что они не найдут, знал, что отсюда полосатые пошли в его офис, что тот точно так же взломан и перерыт, но чертов Косой успел припрятать бумаги, и от тех, кто за ним охотился, и от тех, кто протягивал руку помощи. Теперь придется по-

бегать по городу, и полосатым, и ему, Винни, и кто станет победителем в этом дерьмовом марафоне, неизвестно.

Винни прошелся по комнате, поднял свисающую со стола телефонную трубку и повесил ее на рычаг. Два звонка решали проблему, первый – адвокату, и второй – копам, но оба этих действия создавали кучу других, ненужных сейчас, проблем. И первый и вторые будут задавать вопросы, на которые ему сейчас не хотелось отвечать. Вопросы, на которые у него нет ответа. Вопросы, которые он и сам бы не прочь кому-нибудь задать.

Он достал смятую сигарету из пачки и закурил, стряхивая пепел прямо на пол, на разбросанные по комнате бумаги.

В коридоре послышались шаги напарника.

– Не входи, – сказал Винни, – твоих следов здесь не должно быть.

Шаги в коридоре смолкли. Решение пришло само собой, Винни отшвырнул щелчком пальца окурок в угол комнаты, подошел к столу, достал с нижней полки непечатую бутылку виски, отвинтил пробку и разлил содержимое по полу, затем зажег спичку и бросил ее вниз. Пламя вспыхнуло с секундной задержкой, на мгновение осветив глубокие морщины на его переносице, потом он отвернулся. Даже если здесь что-то было, его уже не найти.

Судьба решает за нас все, подумал Винни, даже то, о чем мы не подозреваем. Миллионы гибнут каждый день, но иногда ты даешь сто миллионов смертей за одну жизнь. И все

равно проигрываешь, вот как Косой. Он купил это виски, чтобы отпраздновать вчерашний день рождения, а уже сегодня наступил день его похорон. Какая чертова ирония. Какое чертово совпадение.

Стоящий на краю стола телефон зазвонил. Винни, почти не раздумывая, подскочил и схватил трубку.

– Кролик, – верещал на том конце испуганный голос, – это ты?

– Кролика больше нет, – сказал Винни.

– Пух? – голос в трубке задрожал еще сильнее. – Твою мать, ты себе не представляешь, Пух, как же я рад тебя слышать!

– Иа? – спросил Винни.

– Да, Винни, это Иа. Я звоню из автомата и у меня совсем нет времени объяснять, но... в общем, тут серьезная проблема. Винни, у меня пропал хвост. Я на углу сорок второй и Ризен...

В трубке что-то щелкнуло и пошли короткие гудки.

– Дерьмо, – выругался вслух Винни. – Ты слышишь, Пятачок? Спираль развернулась до конца, теперь ей пора сжиматься. У Иа неприятности, полицейские висели у него на хвосту три недели, и сейчас Ослик сказал, что хвост пропал.

– Дерьмо, – выругался стоявший в коридоре Пятачок. – Если полосатые убрали хвост, значит скоро они уберут самого Иа.

– Верно. А без Иа мы не узнаем, кто стоит за нелегальными поставками меда в город... Клубок раскручивается, Пятачок, и мы должны успеть его смотать первыми. Чертова черная бухгалтерия сама себя не найдет, а без Иа мы не найдем даже, за что в этом клубке ухватиться.

Он выбежал из полыхающей комнаты, схватил Пятачка за ворот плаща и сквозь зубы прошипел:

– Бери ружье, мы идем на охоту за медом.

* * *

Ножи всегда опасны, даже когда лежат на столе. Ты смотришь на их остро заточенное лезвие и понимаешь, что эта вещь может тебя убить. Ты берешь их в руки и удивляешься тому, насколько смертельным может быть эта холодная сталь. Пуля тупа, пуля летит туда, куда ты ее отправишь, и пуля не выбирает. А нож... нож всегда сам знает, куда воткнуться. Нож чувствует, как бьется в твоих венах под тонкой кожей кровь, как она пульсирует и боится вытечь из твоих сосудов. И его влечет к ней, тянет туда, где любое его прикосновение смертельно. Где каждый поворот металла принесет бесконечную боль. Где любое движение делает рану еще больше. И ты понимаешь, что потому они опасны, даже когда лежат на столе.

Тем более, когда они воткнуты в чье-то горло.

Тело Ослика накрывали простыней, белой, и уже грязной.

К серым потекам добавлялись красные, неестественно яркие в предрассветном сумраке; из-под белой ткани вывалились руки в серых рукавах пальто и в черных кожаных перчатках, похожих издали на копыта. Полицейские мигалки погасли и скрылись во тьме, тело бросили в фургон и увезли, место убийства оцепили, поставили офицера охранять, и все стихло.

Винни вышел из-за угла и медленно подошел к копу.

– Доброго вечера, сэр, – сказал он, сплюнув сквозь зубы в сторону.

– И вам, – нехотя ответил полицейский.

– Убийство?

– Само... – полицейский сделал паузу, потом добавил, – убийство.

Кивнул, и еще раз, подозрительнее, взгляделся в лицо Винни, скрытое в тени шляпы.

– Что-то не так? – поинтересовался Винни спокойно.

– Ваше лицо мне знакомо, сэр...

– Посторонним Вэ, частный детектив, – ответил Винни, – расследую одно дельце, по которому проходил убитый... ммм...

– Иа, – подсказал коп, – Ослик Иа. Да, мистер Посторонним, я теперь вспомнил вас, видел как-то в кабинете у шефа.

– Прекрасно, сэр, – улыбнулся детектив. – В таком случае не ответите ли на пару вопросов...

Полицейский завертел отрицательно головой.

– Нет-нет, что вы, – на лице его была растерянность. – Нам запретили распространять информацию о деле. Газетчики пронюхают, свяжут труп с нашими двумя... – и он осекся, поняв, что сболтнул лишнего.

– Вашими? – переспросил Винни, прищурившись.

– Я вам ничего не говорил, мистер, – заволновался полицейский, – вам, очевидно, почудилось.

– Нет, отчего же, – улыбнулся детектив, – я прекрасно слышал, как вы произнесли «с нашими двумя».

– Вам показалось, сэр, – глаза у копа забегали, он явно пытался выйти из ситуации.

– Ну конечно же, мне показалось, – наигранно поддался Винни. – Просто мне думалось, что вы имеете в виду тех двоих ваших, которые следили за покойным три недели. Ну, вы знаете, тех, которых нашли недалеко, в двух кварталах отсюда...

– В трех, – вставил быстро коп.

– Да-да, простите, в трех. На перекрестке сорок второй и пятой.

– И третьей. В обратную сторону, сэр, – кивнул полицейский.

– Именно. Вы же мне этого не говорили, это же я вам сам сказал, не так ли?

– Да, сэр, вы сами так сказали.

– Благодарю вас, офицер, вы очень помогли следствию, – Винни деланно наигранно отдал честь и побрел назад, к под-

жидавшему его за углом Пятачку.

– Все так, мой друг, – сказал он напарнику, как только приблизился к тому, – они нашли хвост.

– И что же нам теперь делать, Винни? – нахмурился Пятачок.

– Когда у тебя за одну ночь на руках два трупа, это неспроста, Пятачок. Верить в совпадения, или нет – выбор каждого, лично я в совпадения не верю. Кролик был безумен, мед сделал из него шизофреника, но с Осликом все сложнее. Да и воткнуть самому себе в горло нож – довольно странный способ самоубийства, мне кажется. Может для копов это не настолько очевидно, и дело будет закрыто, но мы – не копы, и мы будем продолжать копать.

– Как скажете, сэр, – встрепенулся Пятачок. – Куда же мы сейчас?

– Мы пойдем в гости. В этом городе есть всего лишь один человек, который может нам помочь.

– Сёва?

– Она самая. Только она видит все ниточки этой паутины, и только она знает ответы.

Потому что она когда-то сама варилась в этом. Потому что она – порождение самой темной ночи этого города. Потому что она когда-то держала за яйца самого Кристофера Робина. И за его, Винни, яйца, впрочем, тоже.

Она стояла на балконе и курила, и светлый силуэт ее тела казался настолько призрачным, что Винни ущипнул себя за ногу. Дым, выпущенный из ярко-алых губ, медленно растворялся в сыром ночном воздухе, большие клубы его в лунном свете, казалось, повторяли ее силуэт, и в такие моменты он думал, что на балконе два призрака. Легкий ветерок иногда срывал искры с кончика сигареты и уносил их в ночь, и только по их следу в темном воздухе Винни мог определить, где стоит девушка, а где – ее призрачный дымный двойник.

Сòва, с ударением на первый слог, как ей нравилось... Умная и дьявольски красивая, соблазнившая полгорода, но действительно отдававшаяся только ему. Безумная в сексе и по дикому грациозная в жизни, она всегда глядела на этот мир своими огромными темными глазами чуть насмешливо и слегка надменно. Настолько слегка, что каждый возле нее ощущал себя чуть хуже и от того становилось не по себе. Каждый, только не он. Потому что только с ним она была тем, кем являлась на самом деле.

– Ты ведь не зря пришел, – глухо донеслось до него с балкона, и Винни понял, что она плачет. – Ты, чертов сукин сын, не приходишь просто так никогда.

– Не в этот раз, малышка, – попытался оправдаться он.

– Не лги мне! – она отшвырнула сигарету и стремительно ворвалась в комнату, принеся с собой неизвестно откуда взявшиеся в этом ночном смраде прохлада и свежесть. – В последний раз, когда тебе ничего не было нужно, тебя принесли на носилках и в твоей груди было четыре пули. И тебе не нужно было ничего всего лишь потому, что ты был одной ногой в могиле и не соображал ни черта!

– Были еще моменты, – неуверенно сказал Винни.

– Не было! – выкрикнула она. – Ты – чертов ублюдок, вечно копающийся в отбросах и вечно получающий пули вместо благодарности. Борец за справедливость, с тремя шрамами на печени! Я каждое утро просыпаюсь в страхе услышать, что тебя убили, каждое чертово утро встаю с надеждой, что ты позвонишь и скажешь мне: привет, милая, со мной все нормально. Но нет, телефон молчит, и я снова засыпаю в мольбах о том, чтобы Господь сохранил тебе жизнь хотя бы до утра!

– Я благодарен тебе за это...

– Засунь себе свою благодарность! – Сёва вскочила на кровать и теперь возвышалась над ним прекрасной древнегреческой статуей, полуодетой, но все же демонстрирующей достаточно, чтобы привлечь его внимание. – Ты появляешься раз в месяц, вот твоя благодарность, мерзавец!

Сёва замахнулась, чтобы пнуть его посильнее, но он перехватил ее под коленки, и она свалилась на кровать.

– Ты должен прекратить, – вытирая слезы, сказала она

чуть тише, – прекратить подставляться под пули и подумать о том, что же дальше. Подумать обо мне. О нас.

– Я каждый день думаю о тебе, – сказал он и это было правдой. – И я буду с тобой каждый день, если...

– О, Господи, – взмолилась она, – снова эти если...

– Ты же знаешь.

– Что тебе нужно на этот раз, Посторонним? Какая жертва будет достаточна для твоего алтаря, что мне сделать, чтобы этот кошмар прекратился?

– Мне нужно добраться до него. Мне нужен Кристофер Робин.

– И все? Всего лишь? Самый страшный человек этого города, ни много ни мало. У меня есть выбор?

– Да. Или ты можешь разлюбить меня.

– Господи, – повторила она. – Я согласна.

Сова встала, подошла к большому, во всю стену, зеркалу, набросила тонкий шелковый халат и завязала пояс.

– Ты дашь показания в суде?

– Да, черт тебя побери, Винни, я дам эти чертовы показания. Я сдам этот чертов город ради тебя, я сдам весь этот дерьмовый мир, если от меня это потребуется. Ты доволен?

Она повернулась, и ее пронзительный взгляд словно просверлил его насквозь, но Винни не ответил.

У него просто не было вариантов.

В этом мире продается все. Ты можешь купить золото, ты можешь купить оружие, ты можешь купить шлюх, и ты даже можешь купить дерьмовые человеческие жизни. Если у тебя хватит денег, само собой. Те, у кого их никогда нет, с удовольствием продадутся тебе, и их жизни будут стоить дешевле бутылки виски. Они продадут тебе все самое ценное, что было в их жизни, они продадут тебе даже своих детей, лишь бы у тебя хватило наличности за это заплатить. У Кристофера Робина было столько наличности, что он мог бы купить весь город. А еще у него был мед, за который продаются те, кто не продается за деньги. У Кристофера Робина просто не было желания делать покупки.

У шефа полиции было желание, но у шефа полиции не было столько денег, и потому он ограничивался одним человеком. В день. За ночь. На час. И шеф полиции мечтал, чтобы у него было столько денег, сколько нужно, чтобы купить всё.

И это было написано у него на лице.

На морщинистом, похожем на морду зверя породы кошачьих, лице, спрятавшимся за синей фуражкой и ярко блестящим значком.

– Мы потащим Робина в суд, – вкрадчиво говорил Винни. – Я найду эти чертовы записи Кролика, и вытащу всю мерзость на свет. Дам вам карты в руки, и все – козырные.

А те, что не козырные – крапленые.

– Вот! – воскликнул шеф. – Ты даешь мне карты, простые карты, а мне нужен джокер. Иначе не выиграть, слишком силен противник.

– У меня есть свидетель... – еле слышно пробормотал Винни.

– Напарник? Пятачок? Зеленый юнец, который только и способен, что по пчелам стрелять из дробовика.

– Тот случай был единственным, – подал голос Пятачок.

– Молчать! – воскликнул шеф. – Из-за тебя дирижабль совершил экстренную посадку в центре города, из-за твоего «единственного» выстрела. Шуму было – даже в столице в газетах писали о нас и о нашем городе.

– Вы отклоняетесь от темы, сэр, – Винни начинал свирепеть. – Чертов дирижабль не имеет отношения к делу, это была случайность. Я был на нем во время происшествия, и тем не менее не имею претензий к Пятачку.

– Да! Именно! Не имеете! А я и весь город – имеем! К нему и к вам, Винни!

– У меня свидетель, – Винни поднялся на ноги и с вызовом посмотрел в глаза шефу. – Подпишите ордер на арест и отдайте необходимые приказы.

– К черту вашего свидетеля. Вы думаете, я не знаю, кто она? Сòву знает весь город, и всем прекрасно известно, что она трахает вас сейчас. Вы думаете, судья поверит какой-то шлюхе? Да я себе не верю, не то что ей. И еще, напоследок,

запомните – вы не вечны, Винни. И она не вечна, она слабая женщина, у которой очень тонкие и хрупкие кости и очень тонкая нежная шея. Вот у Кролика тоже хрупкие были, вы понимаете? Свидетель, – шеф усмехнулся, – очень зыбкая штука, на него нельзя полагаться. Сегодня он есть, а завтра с крыши сорвался. Или ножом подавился, к примеру. А я – я есть закон, и мне факты подавай. У вас есть факты?

Он плюхнулся в большое черное кресло и с легкой улыбкой ожидал ответа. Винни резко наклонился вперед, к самым глазам шефа полиции, и сквозь зубы прошипел:

– Когда травят крыс, дезинфицируют все, что подверглось заражению. Люди в желтых костюмах входят в помещение и выжигают химикатами все живое, без жалости и без сомнения. И гибнут даже тараканы, Тигра. Даже чертовы тараканы, которые считают себя невиновными. Я надел желтый костюм, Тигра, и я выжгу здесь все к чертям.

Развернулся и быстрыми шагами вышел из кабинета. Пятачок встал со стула, исподлобья посмотрел на Тигру, обвел взглядом кабинет, увешанный фотографиями и вырезками из газет, на которых огромный молодой полицейский запечатлен то с одним, то с другим преступниками, и сказал:

– Когда я был мальчиком, я гордился вами. Будут ли так же гордиться ваши дети?

И вышел вслед за напарником.

Когда ты думаешь, что все очень плохо, не стоит ожидать перемен. Жизнь настолько дерьмова, что не даст тебе по-блажки. Сука быстрее скрутит тебя в жгут и зажмет в тиски, чем отпустит на волю. Если ты тонешь и тебе не хватает воздуха, не думай, что судьба подкинет спасательный круг и кислородную подушку, скорее ты получишь ведро с цементом на ноги и акул вокруг твоего барахтающегося тела. И она не станет выбирать между вами, не станет вычислять, кто слушался маму, а кто был плохим мальчиком. Если вокруг бушует гроза, то мокрыми окажутся все, ливень льет и на святых и на грешных. Если ты взялся убирать дерьмо, жди, что придется убирать еще и трупы. И молись, чтобы одним из этих трупов не оказался ты сам.

Сòву похитили тем же вечером. По дороге в театр ее машину перехватили полосатые, расстреляли шофера в упор, забрызгав его мозгами мостовую, выволокли Сòву через заднюю дверь и увезли в неизвестном направлении. Свидетели говорили, что нападавших было человек пять, Винни думал, что меньше, Пятачок ничего по этому поводу не говорил, так как его тошнило в кустах, растущих у обочины после того, как он в искреннем порыве первым бросился к машине и открыл шоферскую дверь. Шофер выпал со своего сидения наружу и уперся остатками головы в ослепительную белую ру-

башку Пятачка, и того начало тошнить прямо туда, внутрь кровавого месива.

Винни же растеряно стоял около машины и впервые в жизни не знал, что делать. Тело сковал паралич, кулаки сжались до боли, он смотрел себе под ноги и думал, что, наверное, так себя ощущают самоубийцы, к которым приставили переговорщика. Словно ты уже накинул петлю на шею, решил все для себя, но тебя отговорили, обманули лживыми словами и дешевыми обещаниями перемен. И ты уже готов снять веревку и сойти со стула, но кто-то невидимый выбивает этот стул у тебя из-под ног, и все кончается, и ты понимаешь, что теперь ничего не изменить, что тело твое уже скрючивается в последней судороге, легким не хватает воздуха, а шея трещит от рывка веревки. И что полметра дороги вниз – последний твой путь в этом мире, финальная дорога, на которой твои ноги станцуют смертельную румбу для благодарной публики.

Винни стряхнул оцепенение.

– Пятачок, – крикнул напарнику, – у тебя дома есть ружье?

– Да, Винни, оно всегда наготове, – откликнулся Пятачок, вытирая рукавом полупереваренные остатки еды с губ.

– Пора доказать этому городу, что мы еще на что-то способны. Иногда это значит – умереть. Сейчас это значит – убить много народу. Жизни, полные насилия, насилием и заканчиваются. И только смерть может остановить смерть.

Багрово-красная луна восходила над городом, окрашивая дома в неестественный цвет. Цвет крови, думал Винни, той самой, которая сегодня затопит улицы. В которой сегодня кому-то суждено захлебнуться. Которой мы сегодня напоим тех, кто ее так жаждал.

* * *

Город перемигивался огнями фонарей, город обсуждал на смрадных кухнях череду убийств и город боялся. Мелкие людишки прятались в свои каморки и тушили свет в надежде, что сегодня пуля выберет чью-то чужую голову. Что подросток, глотающий мед в подворотне, окажется не их сыном, и что шлюха, которую трахает за пять баксов на скамейке в парке потный толстый негр, не их дочь. Наверное, большинство бы поменялось с этой шлюхой местами, лишь бы их не трогали. Отдали бы душу дьяволу за спокойную жизнь. За дерьмовое существование на окраине помойки, проведенное в компании покрытых струпьями живых мертвецов, среди отбросов и гниющего мусора.

Ветер снова нагнал тучи. Дождь накрапывал, медленно, но уверенно набирая силу. В ботинках уже хлюпало, грязь налипла на них и подниматься было скользко, но Винни и Пятачок упорно карабкались вверх по склону к особняку Робина. Вышли на каменистую дорогу, прошли между ровно, словно по линейке, посаженных деревьев, и приблизи-

лись к гаражу.

В гараже горел свет, трое полосатых укладывали чемоданы в багажник бьюика. Винни достал Смит-Вессон, крутанул барабан и вышел на свет. Полосатые заметили его только лишь когда первая пуля раскрыла одному из них голову, но достать пушки не успел ни один – Пятачок всадил по очереди в каждого по два заряда дроби. В особняке послышался шум, кто-то, громко крича, выскочил на улицу, но Винни прострелил ему сначала ногу, затем грудь, и он затих. Огромная резная дверь в особняк не была заперта, они вошли в ярко освещенный холл, и, подойдя к мраморной лестнице, поднялись на второй этаж.

– Спальня Робина дальше по коридору, – еле слышно сказал Винни. – Проверь там, только осторожно, а я займусь кабинетом.

Пятачок кивнул и, перезарядив дробовик, тихо, на цыпочках, покрался по коридору. Винни, взглянув на него, вздохнул, и пошел в обратную сторону. Пятачок слишком молод, чтобы видеть это дерьмо, подумал он. И что нужно сделать в этой чертовой жизни, чтобы расплачиваться вот так.

Робин был в кабинете, он сидел в кресле и будто бы дожидался Винни. Рядом с креслом и чуть позади стоял телохранитель, китаец Ру, один из двух братьев-близнецов, охранявших Робина день и ночь. Второго китайца, Кенги, видно не было, и это беспокоило Винни.

– Добрый вечер, детектив, – сказал Кристофер Робин, как

только Винни вошел в кабинет.

– Вечер действительно добрый, – ответил Винни, сжимая обеими руками револьвер и наводя его на китайца. – Две рыбки в одной сети – достаточно хороший улов.

– Да-да, – рассмеялся Робин, – именно, две рыбки. Двусмысленно, не так, ли, мой милый Винни? Вот только рыбки считают, что это они – рыбаки.

– Жизнь покажет, – Винни медленно перемещался вправо, выходя на хорошую позицию для стрельбы. – Бывает так, что ты идешь на тунца, а сам становишься кормом для акул. Бывает, что пациент становится доктором, а покупатель – продавцом.

– Думаешь, я тебя боюсь? Нет, у меня есть телохранитель, который настолько быстр, что может поймать пулю, не так ли, Ру? Или... или ты думаешь, что я стану откупаться?

– Я думаю – да. У тебя нет выбора. Вот только я – не покупатель.

– Ну что ж, в таком случае я – продавец. И у меня есть товар, который тебя заинтересует. Приступим к торгам?

– Есть анекдот, – Винни остановился. – В магазин заходит покупатель. Просит ковер, большой, самый большой. Продавец спрашивает, а что это вы мрачный такой, словно труп в него заворачивать собрались. Два ковра, говорит покупатель. Смешной анекдот.

– Забавный, – посерьезнел Робин. – Но к чему он?

– Мне нужно два ковра, – сказал Винни и всадил пулю в грудь Ру.

Кристофер Робин взвизгнул и нырнул под стол, потом оттуда показалась его рука, вооруженная пистолетом и три пули прошли воздух рядом с Пухом. Слишком близко, подумал Винни, отпрыгивая к стене, в следующий момент что-то горячее толкнуло его в спину и он рухнул на пол.

– Кенга, брат, как же ты вовремя, – услышал он голос Робина.

Китаец подошел к Винни, наклонился и поднял Смит-Вессон.

– Эта тварь убила твоего брата, – продолжал Робин, – можешь делать с ним, что захочешь, а я пойду проверю, как там наша ночная пташка.

Робин вышел из комнаты, Винни слышал, как его шаги удаляются по коридору, потом китаец снова наклонился над ним и прошипел:

– Ты заплатишь за кровь брата, сукин сын. Дорого заплатишь.

Перевернул его вверх лицом, обшарил карманы, не нашел ничего, и потому разозленно пнул тупым носком лакированного ботинка.

– Робин сказал, – прохрипел Винни, – что твой брат быстр. Настолько, что сможет поймать пулю. Я решил это проверить, и смотри сам, Кенга... Он поймал пулю.

И Винни рассмеялся.

– Я убью тебя, сука, – зашипел Кенга, схватил Винни за ногу и потащил через комнату к окну. – Я сброшу тебя вниз и ты разобьешься на скалах. А если мне повезет – ты не умрешь сразу и я буду наслаждаться твоими криками еще пару дней.

– Тебе повезет, – ответил Винни через силу, – я живучий чертов сукин сын.

Кенга подтащил его к окну и повернулся, чтобы открыть замки. Вдруг входная дверь с грохотом врезалась в стену, в комнату ворвался Пятачок, его дробовик громыхнул раз, второй, и Винни понял, что Пятачок не успевает. Кенга развернулся, выхватывая пистолет из кобуры под мышкой, и, отпрыгивая в сторону, выстрелил насколько раз в сторону нападавшего. Комната наполнилась дымом, стреляющие падали без остановки, Винни подумал, что это не может продолжаться вечно, а потом вдруг все стихло. Винни перекатился и, опираясь на плохо слушающиеся руки, встал.

Кенге конец, Кенга допрыгался, подумал он, глядя на раскрошенную в месиво из мяса и крови грудь китайца. Обошел стол и остановился. Пятачок лежал на полу и смотрел прямо вверх, и глаза его уже остекленели. Чертова старуха с косой сегодня потрудилась на славу, подумал Пух. Дьявол будет рад новому урожаю, вот только нужно его пополнить еще одной темной душой. И мне нужен третий ковер.

Он догнал Робина у пирса, когда тот почти дотащил Сòву до катера. Волны бились совсем рядом, невидимые во тьме, но соленость моря можно было почувствовать даже на языке. И вкус этот был так похож на вкус крови. Хотя, возможно, это и была кровь.

– Стой, Кристофер, – Винни поднял пистолет и направил его в спину Робину. – Здесь твоя дорога заканчивается.

– Нет, Винни, просто она пересеклась с твоей, – Робин повернулся и выставил перед собой девушку, прикрываясь ее телом и приставив револьвер к горлу. – Нас трое, ты, я, и шлюха, которая хотела меня сдать копам.

– Отпусти ее.

– Отпущу, если ты пообещаешь меня выслушать.

– Говори.

– Винни, – задыхаясь начал Робин. – мы же знаем друг друга с детства. Я помню, как мы с тобой прекрасно проводили время много лет назад. Как мы жрали чертов мед, и как трахали шлюх, многие из которых были получше этой. Шлюхи были всегда, и будут всегда. И мед тоже. Мне нужен партнер, Винни, а ты – надежный партнер. Я предлагаю тебе бизнес, свой, полностью. Вот прямо сейчас, я сяду в катер и ты меня отпустишь, и на этом все, конец. Меня нет, считай, что я умер, ты так и скажешь копам. Скажешь, что застрелил

меня, что я упал в море, а там – пусть копы ищут тело, которого нет. А ты – ты заберешь себе всю империю, Винни, весь этот дьявольский бизнес. У меня хватит денег на безбедную жизнь до смерти, не сомневайся. А если не хватит – мой партнер поможет старому приятелю. Что скажешь, Пух?

– Ты забыл об одном, Робин, у меня погиб напарник.

– Что ж, такова судьба, милый Винни. Мы все – игрушки в ее руках, одни ломаются и их выкидывают, другие остаются любимыми всю жизнь. Китайцы, я так понимаю, мертвы, значит вы в расчете.

– Отпусти ее.

– Брось пистолет, и я отпущу. Но сначала дай свое согласие, иначе она – мой билет, мой счастливый лотерейный билет, с которым я выберусь из этой страны.

– Хорошо, я его опускаю.

Винни медленно наклонился и положил пистолет на мокрые деревянные доски.

– Прекрасно, половина сделки выполнена, – рассмеялся Робин. – Теперь вторая половина.

– Я согласен.

– Нет, Винни, нет! – крикнула Сòва и, ударив Робина ногой, дернулась, стараясь вырваться.

– Ааа, тварь, – воскликнул Робин, пытаясь удержать девушку, но ей удалось оттянуть в сторону удерживающую ее руку, и почти освободиться.

– Нееет! – крикнул Винни, но было поздно – Сòва уже

впилась в руку зубами, в следующий момент громыхнул выстрел и тело девушки дернулось.

На секунду время словно замерло, в воздухе повисло облако из кровавой пыли, и Сòва безвольно обмякла.

– Я... – растерянно прошептал Робин в повисшей тишине, – я не хотел этого, Винни. Она сама, ты же видел... Чертова шлюха сама виновата, она укусила меня...

– Виновных никогда нет, – глухо ответил Винни, поднял пистолет и выпустил всю обойму в Робина. – Даже убийцы считают, что они правы. Каждый по-своему прав, ведь у всех своя правда. Вина не измеряется в фунтах, ее не поделить и не продать. Но только всем однажды придется отвечать за то, сколько меда они сожрали на этом свете.

Он выпрямился, подошел к телу девушки и опустился на колени. Ее большие темные глаза смотрели на него так, словно в них еще была жизнь, словно они еще не все сказали ему, словно у них еще есть время.

Но времени не было.

Винни опустил ладонь на ее лицо и прикрыл веки. Из дыры в его груди сыпались кроваво-красные опилки, он смотрел на них, на Сòву, на тело Кристофера Робина, слезы текли из его глаз, дождь смывал их и потому он сам не понимал, плачет на самом деле, или это просто вода. Мир рухнул и теперь казалось, что все нереально, что все они всего лишь игрушки в чьих-то невидимых руках. В руках, которые играют в неправильные игры.

Люди утверждают, что трудятся, дабы построить рай, но их рай населен кошмарами, и им страшно признать, что мир не создает никто. Возможно, вообще никто ничего не создает – часы без часовщика, лес без лесоруба, ад без дьявола. Возможно вся эта жизнь бессмысленна, и люди проживают ее только чтобы превратиться в удобрения для сорняков, вот только им страшно себе в этом признаться. И потому они придумывают себе богов, чтобы на кого-то надеяться, ангелов, чтобы им кто-то помогал, и смысл, чтобы ради чего-то жить. А потом в их телах развивается гниль, раковая опухоль, и тогда люди проклинают своих богов, хулят своих ангелов и плюют на свои цели. Некоторые смирились. Некоторые продолжают бороться. Они просят врачей, умоляют целителей и молятся на колдунов.

Но для ампутации всем нужен хирург.

Грани

1. Глубина

Ибо нет человека, который родился бы или долго прожил на море и не любил бы его всем сердцем и всею кровью. Любовь эта бывает полна горечи. Бывает полна страха и даже ненависти. Но не может быть равнодушной. И потому ей нельзя изменить и невозможно забыть ее.
Жоржи Амаду. Мертвое море.

– Главное – ты оттолкнись хорошо, – вкрадчиво поучал Васкес. – Правой ногой, понимаешь, Серхио. Толчок, выдох и пошел.

Понимаю, думал он. Еще как понимаю, только это не вам, а мне выдыхать и... и пошел, чтоб тебе.

Камешки под ногой предательски хрустели, изредка крайние из них срывались вниз, в далекую и от того страшную синеву. Теплый бриз ласкал щеки и трепал короткую стрижку Сергея, чайки издевательски орали, словно смеясь над его нерешительностью.

– Готов? – спросил Васкес.

– Нет, твою мать. Не готов, к такому нельзя быть готовым, – голос Сергея слегка дрожал.

– Ну, как будешь готов – дашь знать. – Васкес словно обиделся на ответ Сергея. – А я пойду с Рамиресом постою. Он сказал, хорошую штучку придержит, десять лет выдержки. Специально для такого случая. А ты стой, наслаждайся закатом, Серхио. Закат хорош.

Закат был великолепен. Багрово-красное марево медленно опускалось в тучи, сгущающиеся на горизонте, в мелькающие то и дело всполохи далеких и пока неслышимых первых признаков бури. Ветер усиливался, толкал Сергея в спину, словно принуждая сделать то, против чего противились инстинкты, мягко толкал, нежно, но уверенно. Нежный вечерний бриз, который тоже против меня, подумал Сергей. Весь мир такой.

Он обернулся и посмотрел в сторону машины. Васкес курил, что-то вполголоса рассказывал Рамиресу, сидящему в машине, изредка улыбаясь и бросая быстрые взгляды в сторону Сергея. Потом сделал паузу и добавил пару слов. Рамирес расхохотался и чуть не упал с водительского сидения наружу. Потом махнул рукой и крикнул:

– Эй, поллито! (pollito – исп. цыпленок. Здесь и далее прим. автора.) Я же говорил, что не полетишь!

На этот раз рассмеялся Васкес. Сдержано, спокойно и даже почти не обидно.

– Пошел ты, – буркнул под нос Сергей.

– Поехали домой, – продолжал Рамирес. – Буря скоро будет, а дома хорошо, тепло, выпьем, жена приготовит энчила-

дас, будет весело!

А тебе не весело сейчас, морда мексиканская, думал Сергей. Скучно ему. Ржет надо мной, вон, и Васкес ржет, и скучно им, видите ли. Он понимал, что чем дольше стоит, тем страшнее становится, тем тяжелее будет сделать этот шаг, эмпухе (empuje – исп. толчок) в пустоту, после которого, как говорил Васкес, становишься другим человеком, рождаешься заново, и жизнь становится более яркой и красочной.

Чего ж там кричат—то в такие моменты, думал он. Банзай – не то, джеронимовообще дерьмо какое-то. Но ведь кричат что-то, нельзя не кричать, не удержишь в себе все это так просто. Как он говорил? Толчок и выдох? Так чего же я стою в таком случае, почему не решаюсь, раз так просто? Шаг, и все. Или зассал, цыпленок? Ну? Рраз, два...

Он зажмурился, напрягся, словно пружина, потом открыл глаза, оттолкнулся правой от края, как учил Васкес и пошел в синеву.

– Ебааа...

Вот что кричат в таких случаях, подумал он, а потом по пяткам ударило неожиданно твердое море и его закружило в синем водовороте соленой воды и пузырьков воздуха. Сергей открыл глаза и глянул вниз, в глубину. Темень и холод, подумал он, вот прямо как после смерти. Темень и холод, и они манят к себе, зовут и притягивают. Тело какое-то время еще погружалось, потом море стало выталкивать его на поверхность, в пока еще теплое солнце, он взмах-

нул несколько раз руками, словно помогая морю, взлетел над водой на полметра и заорал во всю глотку. Адреналин кипел в крови, его всего трясло и хотелось петь что-то сумасшедшее, даже не петь, а просто орать какую-то чушь, все равно о чем, лишь бы дать выход всему, что его переполняло. Море пенилось вокруг, поднимало на волнах и потом бросало вниз, будто в пропасть, и сердце снова сжималось на какие-то мгновения, словно не веря, что все закончилось хорошо. Сергей тряхнул головой, шумно выдохнул и поплыл в море тяжелыми, длинными взмахами.

Потом его подобрал катер, который заказал Васкес утром, долго вез к причалу и всю дорогу его не оставляла дрожь то ли от адреналина, то ли от прохладного моря – Сергей ни в чем не был уверен в тот момент и не взялся бы судить о причинах этой дрожи. Он понимал одно – Васкес был прав и теперь действительно все по-другому. Абсолютно все.

* * *

– А потом они двинулись в Эль Прехо, всей толпой погрузились в грузовичок и поехали! – Рамирес был уже пьян и не следил за громкостью своего голоса. – По дороге палили из пистолетов, кричали, да только путь был далекий, а они выпили слишком много текилы, так что до Прехо не уснул один Мартинес, и то потому, что он был за рулем, понимаешь?

Сергей кивал головой, понимая и одобряя. Если текилы было столько же, сколько они выпили сейчас, то да, он понимал их всех. Рамирес дергал его за рукав, отчего рука Сергея спадала с подлокотника плетеного кресла, и он с вялым неодобрением вновь водружал ее на место.

– А в Прехо их приняли всех, потому что сил у Мартинеса хватило только чтобы доехать до главной площади. Потом он уснул, Серхио, ты представляешь? Привез их на баласера (balasera – исп. перестрелка) и уснул!

– А кто принял-то? – спросил Васкес. – Местные? Дон Гальярдо и его ребята?

– Ла полисия, – Рамирес расхохотался, словно это была лучшая его шутка. – Их приняли долбаные полисьеро, отобрали оружие и перенесли в каталажку. Представьте себе их удивление, когда они проснулись утром в полицейском участке!

Сергей не представлял, но сказать об этом уже не мог и только кивал, словно китайский болванчик. Васкес заметил это и, глядя на Рамиреса, приложил палец к губам. Сергей закрыл глаза, пытаясь остановить уже почти произвольное кивание, и провалился в сон.

Вода была кругом, соленая и прозрачная, холодная снизу и теплая у лица, она крутила его тело в водовороте медленно и величаво, словно танцуя с ним в каком-то странном вальсе. Яркие блики света врезались в нее всего на метр, растворяя эту темно-синюю краску под ногами и превращая ее в ярчай-

ший аквамарин. Потом время будто остановилось, пузырьки воздуха замерли в сантиметрах от его глаз, все тело обрело необычайную легкость, только пошевелиться почему-то было очень тяжело. Наверное, потому, что кончается воздух, подумал он. Подумал, и мысль эта отчего-то не беспокоила его, будто так и должно быть, будто воздух уже и не нужен ему, а нужна только эта синяя прохлада, обволакивающая его и одурманивающая разум, будто скоро он сможет пить ее, и дышать ею. Прохладой, подумал он. Да, это так прекрасно, дышать прохладой. Пить эту синеву и дышать ею. А потом его рвануло вверх, затрясло, и он проснулся.

Рамирес дергал его за плечо, что-то бормоча себе под нос, и от него жутко несло перегаром. Как и от меня, подумал Сергей. Гадость какая.

– Все-все! Встаю, – сказал он, еле разлепляя пересохшие губы. В горле было сухо и мерзко, ужасно кружилась голова, и он почти не помнил вчерашний вечер.

– Кофе внизу, на террасе, – сказал Рамирес. – Отправляемся через час.

Кофе, наверное, был неплох, но Сергей пил его без удовольствия, обжигал губы и язык, чертыхался и снова прихлебывал. Пива бы сейчас, думал он. Нашего. А то этот мексиканский ацетон уже поперек горла стоит. Васкес чем-то занимался внизу, в гараже, Рамиреса тоже не было видно, только жена его, донна Аделита, крутилась вокруг стола и уговаривала Сергея поесть перед дорогой. Он вяло отнекивался,

ссылаясь на боли в желудке, она становилась настойчивей, и, казалось, сейчас ему придется сдаться, но тут на террасу поднялся Рамирес и прикрикнул на нее. Донна Аделита обиженно поджала губки и ушла в дом, бормоча что-то нелестное о муже и всех его родственниках до пятого колена включительно.

– Женщины, – многозначительно сказал Рамирес. – Твое-то как?

– Я не был у нее уже три дня, – ответил Сергей. – А все Васкесвиноват.

– Васкес всегда виноват, – усмехнулся Рамирес. – Даже когда никто не виноват, в этом виноват Васкес. Ты бы к ней съездил что ли. Мало ли как повернется.

Да, думал Сергей. Мало ли.

– Что с машиной? – спросил он. – Все готово?

– С машиной – да. Я проверил ее, пока ты спал. С грузом тяжелее, ребята задерживаются.

– Это плохо, – сказал Сергей, хотя было и так понятно, что хорошего мало. – Надолго?

– Часа четыре. Ты бы успел.

Сергей молчал. Да, он бы успел, если четыре. Только что скажет Васкес?

– Васкес сам меня отправил, – словно прочитал его мысли Рамирес. – Бери машину. И не благодари.

Сергей улыбнулся:

– Не буду. И не проси.

Она ждала его на пороге, и почему-то ему подумалось, что она ждала его вот так каждый день. С утра до вечера. Просто сидела на пороге и смотрела вдаль.

– Я ждала тебя, – сказала она.

– Я вижу, Донсия.

– Не зови меня так!

Она снова злится на это имя, подумал Сергей. Каждый раз. Миллион раз.

– Мне не нравится имя Кармен, – сказал он. – Плохие ассоциации.

– Да, ты говорил.

Он коснулся рукой ее щеки, провел тыльной стороной ладони ко лбу, потом кончиками пальцев тронул губы.

– Я скучал. И я уезжаю.

– Да, – сказала она в ответ. – Надолго?

– Недели на две. Работа.

Она смотрела на него снизу вверх, черные глаза ее светились теплотой. Маленькая восемнадцатилетняя девочка, которая ждала его три дня и теперь дождалась. Он знал, что скрывалось в этом взгляде, там был вопрос, на который он не мог ответить, не солгав.

– Я вернусь, – сказал он. – Обещаю. У нас мало времени, чикита (chiquita – исп. маленькая).

Потом они лежали рядом, она закинула ногу на него и что-то шептала в ухо. Волосы ее разметались по простыне, тепло еще пылало, но страсти уже не было, было только что-то теплое, что удерживало его тут, в этой кровати, стоящей в комнате мотеля на краю города. Время заканчивалось, он чувствовал это, но ничего не мог с собой поделать, встать не хотелось, не хотелось ехать никуда и вообще хотелось просто лежать здесь, рядом с этим маленьким телом, человеком, еще не осознающим, что может случиться.

Она поднялась на локте и уставилась на него.

– Серхио, – сказала она. – Почему ты здесь?

– Потому что ты мне дорога, Донсия. – брякнул он первое, что пришло в голову.

– Нет, не со мной, – улыбнулась она и в глазах ее заиграли яркие искорки.

Боже, как глубоко, подумал он. Почти как в море.

– Почему ты в Мексике, Серхио? – спросила она. – Ты ведь русский, как ты сюда попал?

Сергей скривился. Волна схлынула, море ушло, теперь только жесткий песок.

– Это длинная история, – попытался отговориться он.

– А ты коротко, – она не понимала, почему он вдруг разозлился.

– Принес счастливый ветер, – ответил он. А что ей сказать? Она не поймет все равно. А если поймет – не поверит. Не поверит в побег из страны, где про границу даже ду-

мать было запрещено. Не поверит в мечты о великой жизни. Не поверит в плавание на китайском траулере через Желтое море, где за ними полдня гнался корейский военный катер, не поверит в триады и в длинный путь до берегов Америки на танкере, где он охранял груз, состоявший из полутора тысяч китайцев. Не поверит в нью-йоркские перестрелки, в которых положили всех «братьев Мао», во второй побег через границу, на этот раз американскую, и в чудесную встречу с Васкесом в пустыне, где он уже почти умер от жажды. Не зачем ей это все знать, как и не зачем знать, куда он уезжает сегодня.

– Я пойду, – он встал и принялся одеваться.

– Твое тело рассказывает многое, – она провела рукой по его спине. – Счастливый ветер не приносит людей, у которых вся спина в шрамах. Но мне все равно, кто ты, будь ты хоть самый страшный человек на земле, демон во плоти, сам дьявол! Пусть меня проклянут и я умру в мучениях, но я никогда не пожалею ни о чем, Серхио. И я буду тебя ждать.

Сергей посмотрел ей прямо глаза. Как море, подумал он еще раз, поцеловал и вышел.

* * *

Грузовичок трясся на разбитой дороге, Сергей сидел в кузове, накрытом брезентом, и держался за плохо приваренную ручку. Сквозь дыру в потолке изредка мелькала лу-

на – они ехали только короткими летними ночами и потому очень торопились. Вел машину Васкес – Рамиресу прострелили ногу, когда они выбирались из тущоб Сан-Паоло – вел плохо и Сергея укачивало. Плевать, думал он, лишь бы побыстрее. Убраться из этой чертовой пустыни, из этой чертовой жары и душной, давящей на него страны. Это последнее дело, думал он. Все, пришло время завязывать. Денег хватит, ребята поймут. Нужно только добраться до города, взять маленькую Донсию, сесть в самолет и улететь отсюда куда-нибудь, где нет пустынь и только море. И у меня будет два моря, думал он. Одно синее, другое черное, и оба глубокие до жути.

Со стороны кабины постучали резко и громко. Сергей откинул край брезента и высунулся в жгучий ветер. Рамирес что-то кричал ему сквозь открытое окно и тыкал пистолетом куда-то назад. Сергей не понимал слов, ветер уносил их в пустыню, в ночь и в мертвую жару. Потом понял, обернулся, и увидел яркие огни фар далеко, почти на самом горизонте.

– Кто это, Рамирес? – крикнул он. – Эстебан? Полиция?

Рамирес что-то прокричал в ответ, но ветер снова унес слова вдаль. Неважно, кто это, понял Сергей, важно, что они едут именно за нами. И если это беспокоит Рамиреса, значит все очень серьезно, настолько, насколько и представить себе невозможно. Сергей сжал автомат в руке, накинул брезент и стал ждать.

Догнали их почти возле города, на самом рассвете. За-

скрипели тормоза, машина остановилась, потом послышался голос Васкеса, что-то кричащего невидимым людям. Потом сухой треск автоматной очереди, пули, пролетающие сквозь брезент и поднимающие клубы пыли внутри, снова взревший мотор грузовичка и бешеннаягонка по невидимой дороге. Сергей был напряжен до предела, пот ручьями стекал по его лбу, скатывался на глаза, и их ужасно щипало, но он не мог сейчас пошевелиться – руки, по-прежнему сжимающие автомат, побелели от напряжения и на них вздулись вены. В какой-то момент машина остановилась, двигатель заглух и сквозь эту внезапную пугающую тишину он услышал голос Рамиреса.

– Они подстрелили Васкеса, Серхио! – кричал тот. – Я не могу рулить, а он истекает кровью, бери сумку и беги! Город рядом, Серхио, скорее же!

Сергей схватил огромную, похожую на рюкзак, сумку, перебросил через шею ремень автомата и выпрыгнул наружу. Подошел к кабине, заглянул внутрь. Рамирес привалился к стеклу, по виску текла струйка крови, и лицо его в бледном предрассветном свете казалось лицом мертвеца. Васкес почти сполз под руль, живот его был залит кровью, но глаза по-прежнему улыбались.

– Беги, Серхио, – прошептал он. – Уезжай из страны, сваливай, денег там хватит. Потом донне Аделите сделаешь перевод, а может передашь с кем, чтобы на старость хватило. И к чиките своей не ходи, тебя там встретят. Просто уезжай,

и все. Концы в воду.

– О ней никто не знает, абсолютно, – сказал Сергей.

– О нашем деле тоже никто не знал, – ответил Рамирес. – Беги.

– А вы? Я вас так не брошу, – он пытался найти выход, но он не видел ни одной зацепки.

– Нас, считай, уже нет, – снова Васкес. – Нам уже не выбраться, Серхио. Помнишь про эмпухе, малыш? Про другую жизнь? Сделав этот шаг, ты становишься другим, я говорил об этом. До тех пор ты просто смотришь на смерть, стоишь в стороне и наблюдаешь, как она забирает других. И ждешь своей очереди в страхе. А после прыжка ты уже ее не боишься. Ты просто ждешь, потому что знаешь, что она неизбежна и рано или поздно придет за тобой. Так что беги, Серхио, и да будет с тобой удача.

Сергей выругался, забросил сумку за плечо, отвернулся от грузовичка, чтобы не видеть улыбающееся лицо Васкеса и закрытые глаза Рамиреса, и побежал.

* * *

Рейс был в 11 вечера, и он заказал билеты по телефону. Два, себе и ей. Потом они весь день лежали в кровати, она – потому, что безумно скучала, и он – потому, что знал, что его ожидает снаружи. А вечером, когда Сергей уже укладывал вещи, в окно ударил яркий свет фар и кто-то невидимый

забарабанил в дверь.

– Кто там? – крикнул он, вынул пистолеты из кобуры и, подойдя к двери, встал у стены. Донсия выглянула из ванной, он махнул ей рукой, приказывая вернуться внутрь.

– Серхио, открывай, – крикнули снаружи. – Ты забрал кое что чужое, малыш, теперь пора это вернуть.

– У меня ничего нет, вы ошиблись, – как можно увереннее ответил он.

– Да не может быть, – с той стороны рассмеялись. – А вот твой друг Рамирес считает по-другому. Выгляни в окно, поздоровайся со своими друзьями, Серхио. Не бойся, мы не будем стрелять.

Сергей медленно подошел к окну, стволом пистолета отодвинул занавеску и, стараясь не высовываться, посмотрел наружу. Свет фар слепил, трудно было различить, кто скрывается за ним, зато очень хорошо был виден человек, лежащий перед машиной лицом вверх. И еще один, прислоненный к невысокому заборчику, почти под окном.

– Они еще живы, – кричал голос, – в отличие от бедной донны Аделиты, которая безвременно скончалась сегодня утром. Пока живы. А ты можешь остаться жив на гораздо более долгое время, Серхио, ты и твоя маленькая шлюшка. Верни нам наше и мы тебя не тронем.

– Заходите и возьмите, – крикнул Сергей. Он понимал, что верить словам ребят Эстебана нельзя, что отдавать сумку тоже и что она – единственное, почему их пока оставили

в живых. Сжал пистолеты, снял по очереди каждый с предохранителя, и приготовился встречать гостей.

– Ты – хороший пистольеро, – крикнули с улицы. – Мы знаем об этом, Серхио, и среди нас нет дураков. Кто сунется под твой ствол – мертвец, это еще покойный дон Торес говорил, царствие ему небесное, первый твой хозяин. Но мы не будем к тебе лезть, у нас есть идея получше. Что скажешь, если мы спалим отель к чертям, а, Серхио?

Почему они не стреляют, думал он. Почему говорят со мной сами, вместо того, чтобы заставить говорить автоматы? Их ведь там много, пусть они меня боятся, но их много, а я один. И жечь они ничего не станут, не то сейчас время, чтобы отели жечь. Так почему же они не стреляют?

В ванной неожиданно громко вскрикнула Донсия и он понял, *почему*. Сорвался с места, выбил ударом ноги дверь и выпустил всю обойму в черный силуэт, стоявший за ней. Пули пробили грудь мексиканца, забрызгали кровью кафельные стены и он стал оседать на пол. Сергей увидел лежащую в ванной Донсию, тело ее было неестественно выгнуто, из груди торчала рукоятка ножа, тонкого и длинного ножа, вошедшего прямо в сердце. Сергей смотрел на ее дрожащие губы еще несколько мгновений, потом глаза ее стали тускнеть, потеряли свой блеск и глубину, и он понял, что теперь у него больше никогда не будет два моря. Теперь всегда будет только одно. Медленно вытащил пустую обойму, вставил на ее место полную, повернулся и подошел к входной две-

ри. Голос за ней что-то кричал, пытаюсь уговорить сдаться, но Сергей не слышал его. Он повернул ключ в замке, сжал обеими руками пистолеты, толкнул ногой дверь и вышел на порог. Свет слепил, за ним мелькали тени людей, Сергей смотрел на них невидящим взглядом, и лицо его не выражало абсолютно ничего. Он направил пистолеты вперед и нажал на курки.

Это как вальс, думал он. Море, солнце, и пузырьки воздуха. Эмпухе. Толчок, после которого уже ничего не будет, как прежде. Только море. И глубина. Навсегда.

2. Пустота

Смерть – это пустота. Как куклы.

Если ты подходишь слишком близко, она притягивает тебя...

Юкито Аяцудзи

Горячий ветер приносил из пустыни мелкие обжигающие песчинки и бросал их ему в лицо. Поднимал их далеко в пустыне для того, чтобы бросить прямо в глаза, чтобы уколоть щеки и унести дальше. Будто нарочно, думал он. Столько силы для каких-то песчинок.

Сергей сидел на крыле старенького грузовичка, курил и смотрел сквозь темные стекла очков куда-то вдаль.

– Дерьмо, – ругался Альварес. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Долбаное вонючее дерьмо.

Он ходил перед машиной и нервно дергал рукоятку автомата. Шаг – дерьмо, второй – дерьмо, третий – долбаное...

– Хватит, – сказал Сергей и прыгнул с крыла машины, – ты дурак, Альварес.

– Ха, – ответил тот и остановился. – Почему это?

– Потому что ждать нужно тоже уметь. Твоя мать не умела и ты не умеешь.

– Моя мать не дура, – встрепенулся Альварес.

– А я и не говорил, что она дура, – ухмыльнулся Сергей. – Я про тебя говорил.

– Как... вроде было... – Альварес недоумевающе смотрел на Сергея.

– Тебе не понять, амиго. Не здесь нужно родиться, чтобы понимать такие вещи. А дурак ты не потому, что не там родился, а потому, что ты страх свой удержать не можешь.

– Я не боюсь, – эмоции на лице Альвареса менялись очень быстро и Сергея это забавляло. – Я вообще ничего не боюсь!

– Ага, – ответил Сергей. – Скажи это Васкесу. И перестань ругаться. Я вижу, что дерьмо.

Васкес с ребятами задерживались. Полтора часа – не срок, можно и подождать, думал Сергей. Вот только бы не случилось чего.

– Ты же и сам боишься, – сказал Альварес. – У тебя в глазах страх, Серхио.

– Вон они, – вместо ответа Сергей показал рукой на горизонт. – Две машины, как и обещали.

И не страх это, подумал он. Хреновые из вас, мексиканцев, психологи. Стрелки хорошие, а психологи дерьмовые. Да и страна у вас дерьмовая, Альварес, вот так и знай.

Он сел на место водителя, завел двигатель и крикнул мексиканцу:

– Прыгай! Мы их встретим у старого колодца!

Альварес закинул автомат на заднее сидение, плюхнулся вперед, Сергей вдавил газ в пол, и машина понеслась по раскаленному песку навстречу двум другим, уже невидимым за барханами.

Ночь выдалась на редкость холодной, свежий ветерок пробирался под одежду и неприятно щекотал тело. Они остановились в полукилометре от города: две машины подальше и одна впереди, прямо посреди разбитой дороги. Васкес отхлебнул из горлышка виски, вытер рот рукавом и передал бутылку Сергею.

– Ты должен вернуться к машинам, Серхио, – убеждал он. – Тебя могут просто узнать и тогда все сорвется.

– Плевать, – коротко и зло бросил Сергей. – Он – последний, я его все равно возьму.

– Не возьмешь, клянусь Святой Девой, не возьмешь. Он заляжет на дно, он уедет из страны, он наймет асесинос. И тогда будет совсем плохо, Серхио.

– Хуже уже не будет, Васкес. Хуже было тогда.

Васкес замолчал. Смотрел невидящим взглядом в темноту и молчал. Потом, словно вспомнив, сказал:

– Нужно будет к Рамиресу сходить.

– Да, – согласился Сергей. – Цветы поставить. И доктора Сантоса навестить, что меня шил.

Плохо, что не получилось Рамиреса с донной Аделитой рядом положить, думал Сергей. Далеко теперь они друг от друга, в двух разных концах, да и Сантос тоже далеко, вообще на другом кладбище. Но сходить нужно, попрощаться.

– Вот закончим и ходим, – сказал он. – И не стыдно будет идти, если закончим.

– Правильно, – кивнул Васкес. – Вот и ходим. А сейчас

иди, не стой тут. Сядь в машину, оттуда все видно.

– Ты все сделаешь правильно, – сказал Сергей, повернулся, и неохотно побрел к далеким силуэтам грузовичков.

Альварес снова нетерпеливо ходил туда-сюда, бормоча под нос ругательства, двое ребят сидели в машинах, а остальных не было видно – скорее всего, они были на позициях, указанных Васкесом. Сергей был не против того, что Васкес взял организацию дела на себя, хотя сам бы все сделал проще. Может не так хорошо, как Васкес, но быстрее и проще, убирать это дерьмо по одному Сергей уж точно бы не стал. В тот вечер их тоже много было, может даже слишком много, и, возможно, он бы не справился с ними. Да и не того он тогда хотел, не их смерти искал, он ждал своей пули, той, что поставит точку и унесет его в последний танец. И если бы не ребята, возможно так оно и было бы, и тот танец стал бы последним.

Голубая прохлада убаюкивала, качая его на волнах, поглаживая тело пузырьками воздуха и медленно утягивая вниз. Сергей раскинул руки в стороны, едва касаясь пальцами лучей солнца, пробивающихся сквозь толщу воды, потом вытянул правую вперед и дотронулся тыльной стороной ладони до щеки Донсии.

– Ты тут, чикита, – сказал он. – Ты всегда тут.

Донсия не ответила, она смотрела своими огромными черными глазами сквозь толщу воды, и в них не было той глубины, в которой Сергей тонул столько раз. Она улыбалась

и смотрела на него, а в глазах ее была бесконечная пустота космоса. Тьма и бесконечность, думал он, как в небе, только в небе есть звезды. А у тебя в глазах их уже нет, чикита, там пусто и холодно.

– Не видно ни черта, – сказал Альварес, остановившись возле машины, и Сергей проснулся. – Мать его долбаная ночь. Вроде началось.

По дороге приближалась машина, лучи фар выхватывали из тьмы далекую фигуру Васкеса, потом она остановилась совсем рядом с ним и фары погасли. Несколько долгих минут ничего не происходило, затем фары снова зажглись, раздалось несколько выстрелов, машина развернулась и унеслась вдаль.

– Твою мать, – выругался Сергей. – Что-то пошло не так, ребята!

Подбежал к грузовичку, прыгнул в кузов и крикнул:

– Поехали, Альварес!

Шины вырвали куски травы и отбросили их далеко назад, машина помчалась к одинокому темному силуэту посреди дороги, а Сергей думал о том, что второй раз не сможет принять смерть Васкеса. Одно дело прийти на похороны, принести венки и стоять около могилы. И совсем другое – знать, что человек, с которым ты говорил несколько минут назад, уже ничего тебе не скажет. Нельзя так снова, думал он. Пусть это будет в другой раз, но только не так, не сейчас и не сегодня.

Васкес стоял около грузовичка, опираясь левой рукой, сжимающей пистолет, о капот и держась правой за живот.

– Вот суки, – шептал он. – Долбаные чердос (исп. – сви-
ньи), мать их.

Альварес копался внутри кабины в поисках бинта, Гомес побежал звать ребят, а Сергей все никак не мог заставить себя подойти ближе.

– Ножом в живот, суки, – сказал Васкес, – как скотину
какую, нет, ты видишь это, Серхио?

Сергей наконец пришел в себя, сбросил оцепенение и спрыгнул вниз. Подошел к Васкесу, положил руку на плечо, другой осторожно вынул из его ладони пистолет и, спустив предохранитель, заткнул себе за ремень.

– Сильно зацепили? – спросил он.

– Дерьмово, – ответил Васкес. – Эти чердос не умеют даже ложку в руках держать, чтоб им. Я выбыл из игры, Серхио, ты уж прости.

– Все нормально, амиго, – сказал Сергей. – Главное, чтоб с тобой все хорошо было.

– Со мной все хорошо. А вот ты никогда не научишься, русский, – Васкес качнул головой. – Мы сюда пришли сделать дело или умереть. Так мы решили, Серхио. Ради Рамиреса. Ради Кармениты.

– Да, ради них, Васкес. Мы тебя подлечим, и закончим наше дело.

– Идиот, – Васкес улыбнулся, и в темноте его улыбка пока-

залась ухмылкой мертвеца. – Долбанный дурак. Если мы пришли сюда ради дела, чего же ты стоишь? Я жажду их крови, Серхио. Пойди и возьми ее. И принеси мне, чтобы я напился.

Сергей посмотрел в его улыбающиеся глаза.

– Ты – дьявол, Васкес, – сказал он. – И за это я тебя люблю.

Побежал к машине, на которой приехал, сел за руль и завел ее.

– Пошел вон, Альварес, – прикрикнул на недоумевающего мексиканца, – пошел, твою мать, вон!

Альварес задом вылез из кабины, и, не сводя взгляда с Сергея, сказал:

– Он не дьявол, Серхио, он человек, простой человек. Это ты – дьявол, демон, долбанный эль диабло...

– Пошел ты, – бросил Сергей, выжал сцепление и помчался в темноту.

Дверь вылетела с первого удара, хлипкая задняя дверь, ведущая на веранду для сиесты и оттуда в кухню. Сергей вошел в дом, прислонился спиной к стене, подушечками ладоней по очереди сдвинул предохранители на пистолетах, встал напротив двери в здание и вышиб ее. Где-то внутри кричали, кажется, выла какая-то женщина, но он не обращал внимания на это. Выглянул из-за угла, выстрелил два раза в мелькнувшую тень, переместился к дверному проему, снова выглянул. Коридор был пуст, дверь в комнату – полуоткрыта, но там было темно и только слабые блики лунного света пятнами лежали на стенах. Он прошел по коридору,

встал у стены и рукояткой пистолета толкнул дверь. Быстро глянул в комнату и столь же быстро ушел назад. Затрещал автомат, дверь разлетелась на щепки, обдавая его пылью и древесной трухой. Суки, засели в темноте, и вам кажется, что я не знаю, где вы, думал он. Попрытались, словно воючиратас (исп. – крысы). Словно это не вы за мной охотились до сих пор, словно это не я зверь, за голову которого ваш дон назначил награду.

– Эй, мучачос (исп. – ребенок, дитя)! – крикнул он. – Кажется, мы поменялись ролями? Кажется, вы больше не хотите меня видеть? Вы не рады гостю, амиго? Не по-мексикански встречать путника пулями, не так ли?

Из комнаты доносились какие-то звуки, словно кто-то тащил что-то по полу, большое и тяжелое по битому стеклу на гладком кафеле.

– Уходите, амигос! – продолжал Сергей. – Моим крошкам нужны другие жертвы, вас нет в моих списках.

Выглянул на секунду, выхватил в прицел полусогнутую фигуру посреди комнаты, нажал курки на обоих пистолетах и скрылся за спасительной стеной.

– Аааааа, – закричали в комнате, потом загрохотал автомат и в стену снова врезались пули.

Черт, близко. Слишком близко, и можно не успеть с автоматчиком, слишком у него позиция хорошая. Засел себе и только за проемом следи, сзади и сбоку стены. Хотя и не таких брали, подумал он. И тебя возьмем.

Очередь стихла, Сергей услышал сухой металлический щелчок, означающий, что стрелявший выщелкивает рожок, выглянул на мгновение, пытаясь определить его местоположение, потом понял, что не успевает и выстрелил в темную скользящую тень на полу комнаты, прямо в ноги.

– Ааааа, – закричал раненый снова, – Хорхе, сукааа! Стреляй, твою мать, Хорхе, он мне ногу прострелил, замочи его!

– Не стреляй, Хорхе, – спокойно сказал Сергей. – Уходи, Хорхе.

И на этот раз даже не высовываясь и не глядя, выстрелил в комнату.

– ААА, – закричал раненый и Сергей понял, что попал. – Он меня убивает, Хорхе, он медленно убивает меня!!! Стреляй, убей, застрели его, Хорхе!

– Не стреляй, – снова сказал Сергей, и снова, не целясь, нажал на курок. Раненый коротко захрипел и затих.

– Уходи, Хорхе, – продолжил он.

В комнате зашуршала ткань сдвигаемых в сторону штор, потом заскрипело открываемое окно. Сергей вошел в комнату, увидел на фоне окна силуэт человека и выстрелил ему в голову. Тело завалилось вперед, проламывая раму окна, и тяжело упало вниз, в темный двор.

– Хорхе не успел, – сказал он и пошел дальше.

Дон Эстебан прятался в подвале, и он нашел его последним. Прошел на середину уставленной полками с дорогим вином комнаты, поставил табурет посередине, сел и по-

смотрел на старика. Дон Эстебан сидел за плетеным столом в дальнем углу комнаты полуобернувшись ко входу и, казалось, не слышал всего происходившего до сих пор в доме. Перед ним стояла темно-зеленая початая бутылка и два хрустальных стакана.

– Я пришел, дон Эстебан, – сказал он. Пистолеты в его руках немного дрожали, из стволов вились тонкие, еле заметные, струйки дыма. – Ты ведь хотел этого.

– Я не хотел, Серхио. Я не хотел, чтобы так получилось, и ты это знаешь.

В голосе его не было ни страха ни злости. Там была только усталость, усталость и безмятежное спокойствие и это не укладывалось в голове у Сергея. Не может человек перед смертью быть настолько спокойным, думал он. Или может, и вспомнил тот вечер.

– Ты забрал моих ребят, Эстебан. И ты забрал Донсию.

– Это был не я, Серхио, это была жизнь. – Дон Эстебан вздохнул, потянулся к бутылке и налил полстакана. Жестом показал Сергею на второй стакан, потом наполнил и его. – Жизнь дает нам людей, жизнь и забирает их у нас. А потом приходит момент, и она забирает нас у них. Все просто, Серхио.

Долбанный мать твою философ, подумал Сергей, что ты знаешь о жизни. Встал, подошел к столу, поднял стакан и, словно не решаясь, задержал его на секунду у рта.

– Не бойся, Серхио, оно не отравлено, – сказал дон Эсте-

бан. – Мне незачем убивать судьбу, от нее все равно не убежишь. Пей, вино превосходно.

Сергей сделал глоток – терпкая, сладкая и немного кислая жидкость пробежала по пересохшему языку – потом залпом выпил все до дна. Дон Эстебан усмехнулся.

– Вот такие вы все, – сказал он. – Вот так вы и жизнь пьете. Не чувствуя букета и не наслаждаясь каждым глоточком, не поймешь сути. Выпить залпом можно и воду, вином же нужно наслаждаться, Серхио.

– Мне нечем наслаждаться, Эстебан. Ты забрал у меня все, ты взял часть меня, и убил ее, и мне пришлось хоронить ее, часть своей жизни. Ту самую, которой хочется наслаждаться, и которую хочется пить, смакуя каждый глоток. И я умер вместе с ней, с ее жизнью ушла и моя. Посмотри мне в глаза, там пустота. Бесконечная и безжалостная темная пустота. Загляни мне в душу, и ты увидишь там то же самое. Я закончу это дело и уеду из вашей страны, уеду навсегда.

– На родину? – спросил дон Эстебан.

– Да, на родину. Меня там не ждут, но мне пришла пора возвращаться.

– Серхио, родина не заполнит пустоту в твоей душе. Как и моя кровь на твоих руках. Как не заполнит ничто в этом мире. Ты думаешь, ты один такой? Ты думаешь, ты первый, в чьем сердце не осталось ничего? Я пил эту жизнь, наслаждался ею и брал все, что она может дать человеку. Я забирал жизни других, и другие забирали жизни моих близких. Я

мстил, я убивал снова и снова, и все равно не смог заполнить пустоту в своем сердце. Уж я-то знаю. Посмотри мне в глаза, Серхио, и ты поймешь.

Вот почему он спокоен, подумал Сергей. Он знает.

Поднял пистолет и выпустил три пули прямо в сердце.

А следующей ночью он снова висел между небом и землей, в толще голубой прохлады, и Донсиятоже была там. Он пытался поцеловать ее, но руки проходили сквозь ее тело и он плакал от бессилия; слезы растворялись в солёности моря, и потому ему не было стыдно, только немного щемило слева в груди. А Донсия молча кивала, и он понимал, что это ему так хочется, чтобы она кивала, вот только потом из глаз ее потекли красные кровавые слезы. Она улыбалась, а глаза ее плакали, и пустота в них тянула Сергея сильнее, чем прохладная глубина моря. Черная бездонная пустота космоса без звезд. И без надежды.

3. Яркость

*С годами чувства притупляются.
Тускнеет не яркость мира – короста,
наросшая на человеке, не пропускает
свет в должной мере.*

*Генри Лайон Олди.
Изгнанница Ойкумены*

Легкие и холодные капли дождя, казалось, парили в воздухе, будто не желая сливаться с серой липкой жижей, в которую превращалась земля. Ручейки воды неслись по своим делам, огибали крупные камни и сносили мелкие, сбивали мусор в плотины и сами же затем прорывали их, затапливая миниатюрными потопами желтеющую траву. Небо плакало, и слезы неба стекали по серым лицам, смывая эмоции и стирая с них последние краски лета.

– Зря ты с ним так, – сказал Саня, вытирая промокшим от дождя платком руки. – Циник ты, Серега. Большая злая циничная сволочь.

Платок красило красным от разбитых костяшек, и черным, от налипшей на руки земли.

– Не зря, – ответил Сергей. – Богу богово, волку – волково.

– Не так там было, – усмехнулся Саня. – Кесарю...

– Среди нас есть кто-то, похожий на кесаря? – прервал его

Сергей.

– Ну... скажем, не такого мы высокого полета...

– Вот то-то и оно, братка. А человек человеку – волк.

– Пугаешь ты меня, Серега. Другим уезжал, не было в тебе злости. Что ж они с тобой сделали, а?

Сергей не ответил, лишь щелкнул предохранителем и всунул пистолет в кобуру. Саня смотрел несколько секунд прямо в глаза, потом махнул рукой:

– Ну и не говори, раз не хочешь. Копать этого, – он ткнул ногой тело, лежащее лицом в луже, – кто будет?

– Мы будем. Ты да я. Дело нужно до конца делать.

– Бля, – ругнулся Саня. – Может ну его, болото месить. Кто искать будет? А по весне менты откопают, что останется.

– По весне нас с тобой откопают, если так оставим. Петрович ясно сказал – концы в воду. Точка.

– Так то – в воду. А тут – болото. Разницу в ощущениях чувствуешь?

– Лопату бери, эстет. На ощущения жмурам плевать.

– Бля, – снова ругнулся Саня, но лопату из багажника достал. – Хрен с ним, копать, так копать.

Ручейки огибали комья земли, мутнели и превращались в потоки грязи. Яма медленно наполнялась серой жижей, медленно, но все же достаточно быстро, чтобы копать было до жути отвратительно.

– Хватит, – сказал Саня, – дальше рой сам, если хочешь. Вот посуды – был бы живой – считай, утопили бы засранца.

– Согласен, – ответил Сергей. – Взались.

Они ухватились за одежду трупа и медленно стянули его вниз, под ноги, прямо в хлюпающую муть.

– Ссука, – Саня пытался отодвинуться: голова мертвеца уткнулась ему в колени, но яма была слишком узка, и отойти было некуда.

Сергей оперся руками о набухающий от воды, медленно сползающий вниз край ямы, подпрыгнул, и вылез наружу.

– Не твое это, – сказал он, подавая руку матерящемуся Сане. – Завязывай. Не оценит Петрович твоих мучений.

Саня ухватился за рукав кожанки, уперся ногами в скользкий край, хыкнул и выскочил из ямы.

– И Гоше морду разбил зря, – добавил Сергей. – Теперь и за него отвечать будем.

– А нехрен Гоше людей шмалять, – ответил Саня. – Привыкли пушками махать, маслинами дела решать, гопота малолетняя. А ты за них потом копай.

Сергей усмехнулся.

– А ты гопотой не был, Сань? Сразу крутым родился?

Саня посмотрел на него исподлобья, но ничего не ответил. Обошел «чероки», сел на водительское сидение, завел двигатель и сказал Сергею:

– Прыгай.

Сергей поморщился, увидел вопросительный взгляд Сани и, ни к кому не обращаясь, просто в воздух, сказал:

– А у вас бывает дежавю.

Открыл дверцу и сел в машину.

– С Гошей чего делать будем? – спросил Саня.

Гоша сидел на корточках под елью метрах в пятидесяти от машины и прижимал мокрый и красный от крови платок к носу. В машину лезть он боялся, оставаться в лесу – тоже и потому лишь бросал короткие, осторожные взгляды в сторону джипа.

– Вечереет, – сказал Сергей, глядя на него сквозь заливаемое дождем стекло. – До трассы сколько?

– Километра полтора, – ответил Саня.

– А до города?

– А до города к утру может дойдет.

Сергей открыл бардачок, достал сухую пачку сигарет, не торопясь открыл ее и закурил.

– Знаешь, Сань, – сказал он, – у меня все время как зудит что-то с тех пор, как приехал. Внутри. Червь будто точит, грызет, кусает. Как-то все иначе я себе представлял, когда домой собирался. По-другому.

– И как же? – Саня вопросительно поднял бровь.

– Не знаю. По-другому. Там – дерьмо было. Грязь, песок, жара и дерьмо. А тут – просто грязь и дерьмо. И люди – дерьмо.

Саня потянулся к пачке.

– И я – дерьмо, Серега? – спросил он.

– И я, – вильнул от ответа Сергей. – Все мы – дерьмо. Надоело, если по большому-то брать. Жить в дерьме, жрать

дерьмо и на дерьмо работать. Может, рванем мы с тобой, Санек, отсюда-то?

– Ха, – коротко усмехнулся Саня. – И куда ж ты рванешь? У тебя дело есть, вон, – он кивнул на вытирающего кровавые сопли Гошу, – засранца этого к Петровичу везти и отмазывать. И самим как-то ответить нужно, потому что несерьезно клиента сливать. Да и... завтра другие дела будут, люди мы ответственные, просто так не съезжаем...

– Это ты так говоришь потому, что у тебя Машка есть. И Ванька. А у меня – никого, Сань. Понимаешь? Вот потому – не держит меня здесь нифига. Там не держало, думал, тут зацеплюсь – ан нет. Не за что. Что это твое долбанное болото – сквозь пальцы проходит, и выскальзывает наружу. Ты ее, суку, жизнь, сжимаешь под себя, а она – между пальцев. Кулак разжал – и нет в нем ничего, не осталось ни грамма, только грязью весь изляпаешься. И дерьмом.

– Не знаю, Серега. Прав ты, конечно, в чем-то, только... на сытый желудок философствовать приятней, знаешь.

– Вот то-то и оно. За теплое и приятное уцепился, как и остальные все. Вот смотри, попроще объясню, – он достал из валявшегося на заднем сидении коробка спичек одну. – Представь себе, что люди – спички. Ровные все, красивые, как на подбор, и потенциал у них – сера. А что будет, если спичку поджечь? Вспыхнет потенциал и сгорит, к матери. И покажется черная искривленная суть. Все такие. А забери у спички серу, что останется? Палочка, каких миллион. Де-

ревяшка бесполезная, без цели и назначения. Так и ты, пока за родных цепляешься мыслью о нужности своей – имеешь потенциал. А не будет у тебя корней – за что держаться будешь?

– Ты сейчас о чем это? – занервничал Саня.

– Да так, философствую на голодный желудок. Поехали. Поморгай дебилу этому, чтоб садился, и погнажи – жрать охота до чертиков.

Саня моргнул фарами, Гоша, кряхтя, поднялся, прошлепал по лужам к машине, открыл дверь и сел на заднее сидение.

– К Петровичу? – спросил он, отряхивая с коротких волос капельки дождя.

– В жопу Петровича, – бросил резко Сергей. – Жрать сначала.

Джип взревел мотором и понесся по разбитой лесной дороге к трассе.

* * *

В баре было дымно и душно, Сергея слегка мутило от выпитого, но он пока еще держался. Саня отрывался по полной с одной из стриптизерш, слизывая шампанское с ее маленькой груди, Сергей лениво смотрел на них и тупо улыбался. Потом в помещение ввалилась большая шумная компания, заняла один из столиков, и ему сразу стало еще хуже, будто

эти люди впитали в себя все остатки чистого воздуха в зале. Встал, пошатнулся и пошел к выходу, толкнул дверь на тугой пружине – почему они всегда ставят тугие пружины, подумал мимоходом – вышел на улицу, и она грохнула за спиной металлом. Дождь кинул в лицо пригоршню капель, Сергей вытер глаза, вдохнул свежий и влажный воздух и побрел за угол. Там остановился у мусорного бака, расстегнул ширинку и стал мочиться прямо на металлический бок грязного, вонючего ящика.

– Кажись, наш клиент, – услышал чей-то голос сзади, полюбовернулся и увидел краем глаза серую форменную куртку с погонями, метрах в двадцати. Суки, подумал он беззлобно, поссать спокойно не дадут.

– Да не кажись, точно наш, – второй голос был выше и пронзительней, Сергей ненавидел людей с такими голосами. Две суки, подумал он, застегнул ширинку, достал сигарету и прикурил. Делать этого не стоило: в животе словно взорвалась бомба, его стошнило прямо в лужу собственной мочи.

– Чё, брат, плохо тебе? – спросил первый приближаясь.

– Да не, ребят, нормально, – ответил он, вытирая рот мокрым от дождя рукавом. – Я уже домой...

– А мне кажется, дело труба, – продолжил первый, будто насмехаясь, – клиент созрел, сейчас – экипаж и в палаты.

– Шли бы вы отсюда, – процедил сквозь зубы Сергей, – а то и без вас вон, – он кивнул головой, – блевать тянет...

– Чиивоо? – протянул второй. Голос звучал совсем близко, однако Сергей не мог повернуть голову: его по-прежнему мутило. – Слышь, ты, мразь...

– А может ну его, – неуверенно сказал первый, – заблюет же всю машину...

– Как заблюет, так и отмоет, – веско сказал визгливый и добавил, обращаясь к Сергею, – ползи сюда, козлина!

Сергей выпрямился, оттолкнувшись рукой от грязного бака, медленно повернулся к ним. Так и есть, менты.

– Сами вы, – прошипел он, – козлы...

– Опа, – встрепенулся первый, – чё ты сказал?

Достал дубинку – Сергей заметил блеснувший на пластике луч фонаря – и стал приближаться. Второй чуть замешкался, но дубинку тоже достал.

– Я сказал – валите отсюда, козлы, – произнес Сергей на этот раз достаточно громко и отчетливо.

– Ну, пиздец тебе, брат, – выкрикнул первый и замахнулся.

Сергей не любил драться в таком состоянии. Мутность реальности, приглушенной алкоголем, не притупляла рефлексов, она просто забивала куда-то глубоко остатки рационального мышления, оставляя за гранью понимание действий, точнее, их последствий. Он вообще не любил драться, не любил именно из-за всплеска адреналина, который сбивает контроль, убирает границы, обманывает мозг кажущейся серьезностью опасности для жизни, заставляя бить до послед-

него сопротивления, а иногда... Нет, подумал он, это тебе, брат, не пуля. Пулю всегда контролируешь, ты знаешь, когда стрелять, в кого и куда. А еще – всегда понимаешь, когда нужно остановиться. Люблю пули.

Он ударил, немного опережая противника, когда дубинка только пошла вверх. Резкий короткий удар в грудь, уход от опускающейся и слабеющей уже руки вниз и влево, кулаком в область почки, выпрямиться, ребром ладони в шею, перехватить слабеющее тело и встретить подбородок коленом. Один готов. Второй возник сбоку – Сергей на секунду забыл о нем – дубинка врезалась в плечо, выбив тут же занемевшую руку. Полшага вперед, на короткое расстояние, где дубинка уже не поможет, поднять через силу левую руку, перехватить занесенную снова дубинку, хук правой. На мгновение Сергей увидел совсем близко вытаращенные глаза писклявого, расквашенный нос, искривленный в крике рот, кровь на подбородке, редкие волосы на голове под слетающей в сторону фуражкой, а потом добавил второй хук, выдрал дубинку, отбросил назад, ударил кулаком в солнечное сплетение и добавил ногой, в опускающуюся голову.

Черт, подумал он. Твою долбанную мексиканскую мать. Это тебе не пуля.

Милиционеры лежали на мокром асфальте, он стоял над ними, сжимая кулаки, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, словно насильно выталкивая из себя мгновенно вспыхнувшую ярость. Вдалеке прорвала темень и дождь мигалка,

пискнула сирена, и он понял, что на этот раз попал.

– Шухер, братва, валим, – сказал сам себе и побежал в какой-то переулок, надеясь, что погони не будет.

Но он ошибался, за ним гнались, крича что-то неразличимое, вереща свистками и выхватывая фигуру из объятий ночи лучами ярких фонарей. Сергей пронесся по клумбе, перемахнул через изгородь, пробежал по небольшому скверу, снова перепрыгнул забор, проскочил на красный пустой перекресток, свернул в подворотню и оказался в небольшом дворике, со всех сторон окруженном домами. Сзади, на улице, с которой он свернул, стало совсем ярко и шумно – погоня приближалась. Вот бля попал, подумал он, а потом скрипнула какая-то дверь, тусклый свет лампочки, идущий из полуподвального помещения, осветил дворик, и ему крикнули женским голосом:

– Сюда, месье Д'Артаньян!

Он, плохо соображая, побежал на свет и на голос, ухватился за перила, перепрыгнул пару ступенек вниз, заскочил за захлопывающуюся дверь, та врезалась в косяк и свет потух.

– Ну вот и пиздец, – сказал голос, – теперь лампочку должен.

Она стояла совсем близко, почти прижимаясь к нему, тихо, еле слышно, дыша. Сергей смотрел на едва неразличимое, светлое, чуть ярче самой темноты, пятно лица и слушал, что творится снаружи. Голоса приближались, по ма-

леньким окнам бегали лучи фонариков, гудел двигатель какой-то невидимой отсюда машины.

– Тихо, – прошипел он, хотя она и так молчала. – Откроешь рот – убью.

Она прохрипела что-то непонятное, он понял, что сжимает рукой ее горло и тут же ослабил хватку.

– Большой придурок, – выдохнула она. – Стала бы я тебя выпускать, козел!

Сергей зажал рот ладонью, потом подхватил легкое тело и понес вглубь помещения. Она слабо трепыхалась, отдирая его руку от лица, пыталась кусаться и не переставая лупила маленькой ладошкой по его плечу. Потом он наткнулся ногой на что-то оказавшееся диваном, не удержал равновесия и свалился, подмяв ее под себя. Алкоголь дурманил голову, адреналин не позволял думать трезво, сердце билось чересчур громко, так, что казалось, вот-вот услышат снаружи. Нашупал под тонкой тканью ее грудь и сжал, она пискнула и перестала трепыхаться. Почему ты так близко, хотел сказать он, но не смог, и лишь только подумал. Слишком близко и так нельзя, чикита. А потом вжал это тело в диван еще сильнее и поцеловал невидимые губы.

Отблески свечи плясали в ее глазах, таких похожих на те, что хранила память, или же ему только казалось, что похожих. Сергей не мог вспомнить сейчас глаза Донсии, не мог вспомнить ее лица, лишь только яркие обрывки – улыбка краешком губ, легкие морщинки, когда она щурилась, раз-

метавшиеся на ветру волосы... и эти обрывки почему-то не складывались в картину, так и оставаясь мозаикой.

– Сука ты, – сказала девушка. – Ворвался, чуть не придушил, изнасиловал...

Он лежала на его плече и даже не делала попыток встать с дивана.

– Ты не очень-то и сопротивлялась... – возразил Сергей.

Она хмыкнула и пнула его под простыней.

– Так менты ж за дверью, кто тебя знает. Вдруг действительно придушил бы, я девушка слабая, беззащитная, жить хочу. Странно, что они не стучали даже.

Он усмехнулся.

– Ничего странного. Тебя полквартила слышало, не меньше. Ну, в смысле то, как ты была против.

– Сука, – сказала она беззлобно и снова пнула его. – Пошел отсюда. Встал и оделся. Д'Артаньян, блин, герой-любовник, чтоб тебе.

Сергей перевалился через нее, нарочно прижавшись еще раз к теплому телу, встал и принялся одеваться – вещи валялись тут же, на полу, куда их и побросали. Достал пачку сигарет из кармана штанов, вытащил одну, щелкнул зажигалкой и спросил:

– Я закурю?

– Еще и наглый, – сказала она вместо ответа. – Мне тоже давай.

Он бросил пачку на диван, подтянул стул и сел.

– И ты всем открываешь, кто по ночам от ментов сваливает? – спросил он, глядя на нее. Совсем ребенок, думал он. Опять совсем ребенок. И этот свет свечи делает глаза такими же черными...

– Я думала, это Колька, – ответила она и запнулась.

Что-то темное и невидимое накатывало изнутри. Сколько же ей лет-то, думал Сергей. Двадцать? Восемнадцать? Черт, это ж надо было, на те же грабли... и он понимал, что все повторяется, понимал по той теплоте, что поднималась внутри, по тоске, которая вдруг комком перекрыла горло. Понимал и ужасался все больше.

– А кто такой Колька? – спросил он. – Парень?

– Бывший... – запнулась снова она, – ...муж. Он тоже с ментами не в ладах. Потому и бывший.

– Не мое дело, – сухо сказал он. Чернота накрыла его и теперь уже не отпускала. – Не мои проблемы. Спасибо за гостеприимство, пойду я.

Встал, сгреб с дивана зажигалку и сигареты, глянул еще раз в ее глаза, развернулся и пошел к двери. Она что-то говорила, даже, наверное, кричала, но он не слышал уже, открыл дверь, вышел на улицу – глаза резануло яркое утреннее солнце – быстрым шагом вышел со двора, и только там вспомнил, что не знает даже, как ее зовут.

Да и хрен с ним, подумал он. Гори все синим пламенем. Махнул рукой проезжавшему таксисту, прыгнул на заднее сидение остановившейся машины, она рванула и унесла его

в сторону центра города.

* * *

– Вася, ствол покажи, – Петрович был со всеми груб сегодня.

Гоша достал «Стечкина», покрутил в руках и протянул Петровичу.

– Тьфу, – сплюнул тот, – получше ничего не нашел?

– Засветились они, – замялся Гоша. – «Беретта» хорошая была...

– Баран, – огрызнулся Петрович, – какого же ты из нее комерца вальнул, если хорошая?

Гоша молча смотрел на пистолет, не понимая, чего от него ждут. Петрович махнул рукой и сказал остальным:

– Значит так, братва. Ребята там сильные, волки еще те, рвут всех, кто не с ними, беспределят. Вопрос таков – либо мы их сейчас, либо они нас потом. Ложиться ни под кого я не стану, это вам известно, не таким меня мама родила. Если кто против или зассал – скажите сейчас, чтобы потом не было непоняток.

Он медленно обвел взглядом переминающихся с ноги на ногу людей.

– Петрович, – сказал Сергей, – тут вопросик.

Петрович медленно повернулся к нему.

– Не ожидал, Вася, не ожидал, – медленно протянул он. –

Вот от тебя – никогда бы не подумал. Смежевался?

Достал ты всех Васями-то, думал Сергей.

– Ты не понял, Петрович, – он держал колючий и холодный взгляд Петровича, – не тот вопрос.

– Ааа, – протянул тот. – Ну, выкладывай по-быстрому, чего там у тебя.

– Да как бы... не на то я подписывался, Петрович, – ответил Сергей. – Я у тебя кто? Правильно, охрана. А не стрелок. Стрелки – вон они, с калашами стоят.

Он махнул на остальных.

– Все-таки сливаешься, – сказал Петрович и покачал головой.

– Нет, не сливаюсь, – возразил Сергей. – Ты ведь первым погрешься, Петрович. Шмалять в тебя и начнут. А я тебе кто? Охрана. Дело у меня какое? Тебе спину прикрывать, и чтобы не шмаляли. Вот и прикрою, не ссы.

Петрович одобрительно хмыкнул и спросил:

– Так а проблема-то в чем?

– А в том, что не подписывался я на разборки ходить. Не стану просто так людей стрелять, даже ради дела.

– Дела у прокурора, – хмыкнул Гоша, потом увидел взгляд Петровича и заткнулся.

– Именно, – сказал тот, и снова посмотрел Сергею в глаза. – Это не я двух ментов в реанимацию уложил. Или ты думаешь, дело прикрыли? Хер тебе, Серега. Придут менты в себя, дадут показания и заметут тебя, как фраера голимого.

– Не заметут, – сказал Сергей. – Сваливаю я, назад. Не место мне тут, Петрович, не мое все это. Чужое. Последнее дело – и валю.

– К чуркам своим, небось? – спросил Петрович ехидно.

– В Мексику, да, – ответил Сергей.

– Ну... – Петрович на мгновение задумался. – Вали тогда. Хрен с тобой, бля. Живым отсюда только выберись для начала, да меня вытащи, а там – вали. Зла на тебя не держу, долги – прощаю. А если тут поможешь, даже благодарен буду, Вась.

Сам ты Вась, подумал Сергей. Сука.

Они ворвались на территорию дачи и тут же рассыпались по участку. Охрана была пьяна, троих положили сразу, один успел выстрелить и переполошить остальных. Из дальнего строения, очевидно бани, выскочили полуголые люди, мужчины и женщины, стрелки лупили по ним короткими очередями издалека, те огрызались редкими хлопками пистолетов. Сергей старался не смотреть туда, основное действие разворачивалось здесь, прямо под носом: Петрович словно одурел и несся к двухэтажному особняку, по нему стреляли со второго этажа, с балкона, и Сергей не видел стрелявших. Гоша бежал где-то рядом, чуть позади, Саня тоже, еще три фигуры в спортивных костюмах, с калашами наперевес, заходили справа. Сергей остановился, выпустил прицельно, как в тире, всю обойму в сторону невидимых автоматчиков и побежал, на бегу меняя обойму.

– Ааа, сукиии! – орал Петрович, калашников болтался у него за спиной и почему он не воспользовался автоматом, Сергей не знал. Над перилами балкона появился бритый череп, сверкнула вспышка выстрела, потом еще и еще, и Сергей понял, что стреляют по нему.

Вот сука, подумал он, в Петровича стреляй, сука бля, я-то тут при чем? А потом понял, что для отстреливающихся они все – при чем, еще раз выругался и выстрелил в бритоголового. Тот взмахнул руками и исчез из виду, но вместо него появились двое других, и Сергей понял, что не успеет под прикрытие здания, потом что-то маленькое и темное пролетело над головой, и на балконе ухнул взрыв. Краем глаза увидел перекошенное лицо Гоши, тот орал матом и беспорядочно палил из «Стечкина» в сторону здания. Ах ты ж идиот, подумал Сергей, и кто ж тебе гранату доверил... но додумать не успел, подбежал к стене особняка и прижался к холодному камню.

До особняка добрались не все, тройка в костюмах легла у небольшого надувного бассейна, теперь пробитого пулями в нескольких местах и полуспущенного. Вода лилась через опустившийся борт прямо на лицо одного из ребят, и Сергей подумал, что теперь тому точно крышка. Сначала подстрелили, а теперь утонет в воде из бассейна, как же это тупо, думал он, но сделать ничего не мог.

Потом дверь в особняк разнесло взрывом – снова гребаный Гоша – и они ворвались внутрь, поливая огнем все, что

шевелится. Петрович наконец взялся за калаш, Сергей шел рядом, в метре от него, отстреливая тех, кого не достал автомат, оборачиваясь ежеминутно назад потому, что Гоша с Саней застряли у входа и спину теперь не прикрывал никто. Белая майка Петровича покрылась гарью и прилипла к потному телу, автомат плясал в руках, выпуская смерть, только это не было похоже на то, что так нравилось Сергею. Это не танец, думал он, это не вальс, это просто тупо. И майка – хоть бы броник одел, педрила старая...

Очередь прошла снизу вверх по груди Петровича, разорвав ткань в клочья и вырвав красные куски плоти из спины, он сделал еще два шага и рухнул на пол. Сергей уложил стрелявшего двумя выстрелами, потом подбежал и добавил контрольный, обернулся и посмотрел на тело. Вот и все, подумал он, и контракту конец, и Петровичу. Звуки как-то разом стихли, а может это просто он воспринимал их так громко в пылу боя, слышались редкие пистолетные хлопки где-то снаружи и короткие очереди – возле бани еще не закончилось – но в самом здании было на удивление тихо.

И где, твою мать, долбаные Гоша с Саней, подумал он.

На втором этаже послышался какой-то шум, словно передвигали что-то массивное. Сергей сменил обойму, взял пистолет наизготовку и крикнул:

– Эй! Есть там кто, на втором?

Наверху зашуршали, потом чей-то голос крикнул в ответ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.